

ИМО: верификация научной концепции

Николай Косолапов

Опубликовано: Полис. 2004. № 2. С. 174-178.

ВООЗМОЖНО ЛИ сегодня открыть нечто новое и неизвестное в фактологии международных отношений? Думаю, вряд ли. Но, может быть, задача момента - переписать хорошо известное, лишь придав ему нужную интерпретацию? Нет. Задача и не в этом, и рецензируемый труд* (* Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918 - 2003. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. III. События. 1945 - 2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. 720 с.) - попытка принципиально иного рода.

Книга представляет собой не просто часть уникального четырехтомного издания (См. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. 1 Под ред. А.Д. Богатурова. Т. I - IV. М., 2000-2004.) (каковое и в целом, несомненно, достойно самого обстоятельного анализа), но центральную его часть - по объему, содержанию, а главное - по тщательности, с какой осуществляется приложение заявленного авторами системного метода к построению истории международных отношений. Потому-то, я полагаю, она и заслуживает отдельной рецензии.

Начать придется с некоторых общих рассуждений о предпосылках системного метода, о том, чем именно задается его системность. Представляется очевидным, что история должна осмысливаться во взаимообусловленном единстве двух ее постоянных составляющих - "что" и "почему": какие события, процессы происходили и какие причины вызвали их к жизни.

Рецензировать само по себе "что" - бессмысленно: события произошли и зафиксированы в исторических анналах достаточно надежно для того, чтобы не оказаться забытыми. Но в том-то и дело, что и на уровне фактологии мы уже сталкиваемся не с фактами самими по себе, но с совсем иным, собственно системным "что" - с отбором событий для включения их в данный свод событийных отчетов, воспроизводящих исторический поток, а он, этот отбор, диктуется прежде всего системным "почему": чем то или иное событие было важно для его участников и современников, почему спустя десятилетия оно остается таковыми и для потомков?

Наполнение этого системного "почему" определяется тремя группами факторов: идеологическими, политическими и научными, и по отношению к ним необходимы осознанность и честность. Международные отношения - такая часть общественной жизни, осмысление историзма которой максимально приближается к философии, миропониманию. Никакая идеология не может быть безразличной к такого рода проблемам, равно как, в свою очередь, никакой гуманитарный учебник не может игнорировать идеологический выбор эпохи. Не менее трудно представить себе учебник, политические выводы которого прямо противоречили бы политической практике своего времени. Наконец, нет нужды доказывать, что учебник более, чем любая иная литература, должен соответствовать также признанным научным представлениям.

К соблюдению всех вышеизложенных требований можно подойти таким образом, чтобы угодить начальству. Но подобного расчета "не вырубил топором" , и со сменой лиц и режимов учебник априори подлежит замене, даже если во многом другом он не успел устареть. Перечисленные требования объективны и диктуются не только и не столько господствующим положением вещей, сколько логикой познания. Следуя ей осознанно и честно, можно не войти в противоречие с идеологией и политикой, быть на уровне современной науки и создать добротное произведение, которое, даже устарев со временем,

останется для потомков духовным памятником и документом эпохи: "так мыслили в начале 2000-х годов".

Именно таким произведением и является, по моему убеждению, рецензируемый том. Идеино и политически современный, он не просто следует за событиями и/или за чем-то заданной их интерпретацией, но ставит во главу угла четкую и целостную научную концепцию. Этим учебник под редакцией А.Д.Богатурова принципиально отличается от всех ранее выходивших на русском языке, в т.ч. и от изданных практически одновременно с ним.

Учиться по этой книге будет удобно и интересно. Два эти качества я выделяю как преподаватель, имеющий более чем двадцатилетний опыт работы. Удобно - поскольку том логично структурирован, принципы построения структуры глав и учебника в целом четки, каждые раздел, глава, параграф имеют ясное и отвечающее сути их содержания название. Интересно - так как и в содержании работы, и в ее структуре немало неожиданного, такого, что способно побудить читателя иначе взглянуть на смежные дисциплины и курсы, прежде всего - политологического цикла.

Книга заинтересует и просто любознательных читателей. Одним она способна дать общее представление о предмете, позволяющее при желании или необходимости дополнять, развивать свои познания. Другие смогут пользоваться томом как справочником, выбирая лишь требующееся им и пропуская остальное. Но каждый наверняка оценит внутреннюю дисциплину книги, предлагающей не "объем", но систему представлений о международной жизни второй половины прошлого века и делающей это так, что при тематическом ее прочтении "на выбор" не возникает опасений, что нечто важное для избранной темы может оказаться упущенным.

Специалист же увидит в ней монографию, актуализирующую для него тематику концептуально-проблемного характера.

РАБОТА включает четырнадцать глав, составивших четыре раздела: (1) попытка создания общемирового порядка и ее неудача (1945 - 1955 гг.); (2) балансирование на грани войны (1956 - 1962); (3) конфронтационная стабильность (1962 - 1991); (4) глобализация (1991 - 2003). Таким образом, изложение строится, как, кстати, и в первом томе, на основании историко-проблемного подхода: оно строго следует хронологии событий, но в пределах каждого периода подчинено доминирующей теме, проблеме. Так, первый раздел включает главы-периоды: "Противоречия послевоенного урегулирования (1945 - 1946)", "Начальный этап формирования биполярности (1947 - 1949)", "Распространение биполярного противостояния на Восточную Азию и периферию международной системы (1945 - 1951)" и, наконец, "Структурное оформление дублоковой системы (1950 - 1955)". По такому же принципу построены и остальные разделы.

У этого подхода, как и у всякого другого, имеются свои издержки, но есть и немалые преимущества. Издержки, с точки зрения историка-академиста, состоят прежде всего в некоторых хронологических накладках и повторениях, видных на примере первого раздела. Впрочем, подобные издержки не принципиальны и оправданы содержанием. Гораздо важнее преимущества, открывающие возможность рассматривать международные отношения XX в. как целостный процесс.

Собственно говоря, так рассматривались международные отношения и во все более отдаляющемся советском прошлом: хотя, конечно, характер и направленность процесса трактовались иначе, само его наличие не только не отрицалось, но принималось за основу динамики международной жизни. Но отличие рецензируемой работы - даже не столько в ином толковании характера и направленности международных отношений, сколько во внимании к механизму этой направленности.

Системное изложение истории потому и понадобилось, что лишь оно позволяет выявить механизмы происходящего, максимально освободив представления о них от политико-идеологических наслоений. Движение международной жизни видится авторам - и это альфа и омега той концепции современной теории международных отношений, которая составила методологическую основу их труда (о чем ниже), - как направленное от

многополярной вестфальской системы (1648 г.) через биполярную ялтинско-потсдамскую (1945 - 1991 гг.) к однополярной глобальной (с. 9-11). (Вопрос, почему оно куда-то направлено вообще и почему направлено именно так, а не иначе, оставляется авторами за скобками: марксистской концепции мирового развития, его движущих сил и причин они не приемлют, другой же в мировой науке не предложено.)

В таком изложении, безусловно, есть логика; более того, для учебника по истории международных отношений, охватывающего всего лишь одно столетие, описанный подход оптимален. Его главное достоинство в том, что читатель едва ли не впервые получает возможность сложить из мозаики международной жизни как синхронные, так и проблемные срезы этой жизни - упражнение, обычно доступное лишь очень немногим специалистам. В самом деле, сколько людей могут самостоятельно, без подсказки, вспомнить, что происходило во всех основных регионах земного шара в тот или иной момент (например, в 1954 - 1955 гг.), особенно если происходившее не было отмечено сенсационными потрясениями?

Заслуживает упоминания библиография, приводимая в конце каждой главы. Это современная и максимально относящаяся к делу литература (отечественная и зарубежная), притом по большей части литература качественная. К сожалению, стремление опереться прежде всего на издания самых последних лет в ряде случаев сыграло с авторами недобрую шутку. В учебнике, рассчитанном на российского читателя, вряд ли целесообразно ссылаться на работы современных отечественных авторов, издававшиеся только на английском языке, даже если они выходили в Москве, и уж тем более на едва ли доступные нашим студентам американские публикации.

РАЗУМЕЕТСЯ, трудно рассчитывать, что работа подобного масштаба может оказаться полностью свободной от недостатков. Обилие фактов и широта темы заставляют авторов и составителей втискивать в ограниченный объем "невместимое", что вынуждает к лаконичности, порою переходящей в этакое интернетовское мелькание (некоторые параграфы занимают не более половины страницы - см. с. 22-23, 36, 60, 78, 103, 104, 184, 246, 268 и др.). Иногда это ведет к накладкам в содержании. Так, "идеологизация советско-американского противостояния" структурно помещена в раздел 1947 - 1949 гг. (с. 101-102). Это неверно: США не признавали СССР до 1933 г., что было продиктовано исключительно идеологическими причинами, которых акт признания не устранил, да и не преследовал такой цели. Обострение идеологических противоречий во второй половине 1940-х годов, после разгрома общего врага, закономерно, но оно есть именно обострение, а не сама по себе идеологизация.

Порою в тексте встречаются суждения, с которыми трудно согласиться. Хотелось бы видеть документальные подтверждения того, что в 1973 - 1978 гг. Москва подталкивала все фракции НДПА "к решительным действиям против М.Дауда" (с. 417). Не будучи ни сторонником, ни тем паче апологетом политики СССР в Афганистане, я, однако, не могу принять за объяснение причин советской военной интервенции аргументы, сводящиеся в конечном счете к тому, что режим Х.Амина "не пользуется в глазах афганцев необходимым авторитетом и не в состоянии консолидировать афганское общество" (с. 418-419). Если такое соображение смогло бы получить весомое обоснование, то тогда совершенно иначе должны были бы смотреться и пока что гипотетическая роль Москвы в устранении Х.Амином его предшественника Н.М.Тараки, и приход к власти в самом СССР Ю.В.Андропова...

Неверно утверждение, что "политика разрядки в 60-70-х годах была построена на геополитической и прагматической основах... не включала в себя идейно-философского компонента и не подразумевала формирования фонда общих моральных ценностей, которыми бы руководствовались соперничавшие стороны" (с. 419-420). Положим, нельзя отрицать наличие у советской стороны прагматического обоснования разрядки; однако геополитический подход тогда в СССР не просто не разделялся, но резко осуждался как идеология, обслуживавшая политику империализма, политику нацистской Германии. Кроме того, политика разрядки заключала в себе весомейший идейно-философский компонент

(правда, значимый лишь для сторонников коммунистического учения). Спорными моментами в его содержании были постулаты, что разрядка базируется на общей заинтересованности в снижении риска ракетно-ядерной войны и сохранении рода человеческого и что в будущем она приведет к формированию общих ценностей - а это не только прагматический интерес, но и моральная позиция. Наконец, разрядка была односторонней инициативой СССР, вызванной к жизни комплексом внутривосточных обстоятельств и факторов. Ни Западная Европа (включая Францию и ФРГ), ни тем более США разрядку так до конца и не приняли. Позднее они точно так же не приняли "перестройку", увидев в ней лишь признак начавшегося отступления СССР.

Оценивая итоги женеvской встречи М.С.Горбачева и Р.Рейгана (1985 г.), авторы пишут: "Гражданские руководители обеих держав... резко повысили уровень диалога по стратегическим вопросам, фактически подчинив его своему непосредственному контролю" (с. 453). Но разве раньше генсеки ЦК КПСС и президенты США передавали контроль над этим диалогом куда-то ниже? Далее, "поскольку саммиты следовали один за другим, фактически стороны отказались от практики длительных, занимавших несколько лет предварительных проработок соглашений на уровне военных экспертов, как это происходило в 60-х и 70-х годах". Такая практика, полагают авторы, "указывала на молчаливое согласие сторон подчинить военно-технические вопросы... политическим" (там же). Отнюдь: это советская сторона по причинам, на которых здесь нет возможности останавливаться, свела предварительную экспертную проработку будущих договоренностей до минимума (но не отказалась от нее совсем!); американская же сторона продолжала действовать так, как это было для нее обычным, не испытывая никакого давления фактора времени. Следует также отметить, что на переговорах по вопросам стратегических вооружений и особенно при обсуждении этих вопросов на встречах лидеров двух государств военно-технические аспекты всегда были подчинены политическим. Иное дело, что содержание последних было для СССР и США разным и эволюционировало не синхронно.

Не вполне понятно и то, почему тема глобализации появляется в тексте учебника лишь в главах, относящихся к периоду после распада СССР, т.е. после 1991 г. В мировой и отечественной литературе есть как минимум четыре точки зрения по вопросу о том, как датировать начало этого процесса, причем ни одна из них не связывает его с прекращением существования Советского Союза. Начало постбиполярного миропорядка также трудно связать именно с этим годом: какие-то симптомы крушения ялтинско-потсдамской системы проявились раньше (и в рецензируемом томе об этом говорится), другие не обрели достаточной определенности даже сегодня и могут получить неожиданное продолжение и развитие (вспомним, например, о пока еще сохраняющемся у РФ стратегическом потенциале, соизмеримом с американским).

А ТЕПЕРЬ О ВОПРОСАХ, возникающих по прочтении книги у специалиста. Важнейший из них - о том, что такое история как учебная дисциплина, есть ли у нее своя теория, и если да, то какая. "Чистые" историки много десятилетий ломают копья вокруг проблемы теоретических оснований науки истории; их споров касаться не будем, ибо нас интересует, во-первых, история как учебная дисциплина, а во-вторых, конкретно история международных отношений - ИМО.

Посему, минуя проблематику академических споров, сосредоточусь на другом. Как мимоходом уже упоминалось выше, методологическую основу рецензируемого труда составляет одна из концепций современной теории международных отношений - концепция, отмечу, небесспорная, но имеющая право на жизнь, а тем самым - и на проверку. Результат ее приложения, на мой взгляд, интересен, полезен, в целом конструктивен. Вместе с тем теория международных отношений и смежные с ней дисциплины вполне могут строиться и на иных концепциях.

А.Д.Богатуров и его коллеги затратили на создание "Системной истории..." десять лет жизни. Первопроходцам всегда трудно. Тем, кто пойдет следом (и, скорее всего, уже идет), будет много легче, хотя бы психологически: пример и опыт перед глазами. Означает ли это,

что спустя три, пять, семь и более лет мы получим галерею "историй международных отношений" , построенных каждая вокруг собственной концепции? Скорее всего - да, и, видимо, таков путь познания в гуманитарных науках. Концепции задумывают одиночки; разработка и верификация их - дело больших (и все более крупных) научных коллективов.

С этой точки зрения, рецензируемое издание - не просто учебник, но и верификация научной концепции (а также методология такой верификации для будущих исследований). Научные ее результаты - тема отдельной полномасштабной статьи. Пока лишь подчеркну, что такие результаты есть и редактор четырехтомника, несомненно, сам это ощущает - не даром он стал инициатором создания нового журнала "Международные процессы" и занялся всерьез (итог десяти лет работы над четырехтомником!) проблематикой философии международных отношений. Связь тут, на мой взгляд, очевидна. В частности, чем плодотворнее окажется изучение механизмов и динамики международных отношений (задача, в решение которой "Системная история..." вносит существенный вклад), тем быстрее в науку о международных отношениях и в преподавание всех связанных с ними дисциплин вернется центральный вопрос - о глубинных причинах и движущих силах происходящих перемен. Ответ на него не обязательно должен быть неомарксистским. Но пока иной ответ не предложен, марксистская парадигма истории и международных отношений будет сохранять, а быть может - и наращивать свою притягательность.

Одна из главных особенностей системного подхода заключается в том, что он не только допускает возможность альтернативного течения рассматриваемых процессов, но и предполагает ее. Конечно, учебник истории не может быть одновременно учебником альтернативистики. И все же, воспроизводя историю на основе системного подхода, он тем самым непосредственно и вплотную подводит к научной постановке вопроса: "могло ли быть иначе и если да, то как именно?" В обоснование данного тезиса ограничусь указанием на то, что всякий процесс как явление, совершающееся в сложной системе неоднозначных детерминаций, по природе своей многовариантен (а личный и социальный жизненный опыт подсказывает, что упущенные возможности - не исключение и даже не редкость; особенно хорошо это известно бизнесу). "История не знает сослагательного наклонения" - эта крылатая фраза, безусловно, верна, но лишь с фактологической, а не с научно-объяснительной точки зрения...

Учебник, несомненно, состоялся - по самому строгому счету. Столь же несомненно для меня и то, что как феномен в продвижении научного процесса эта книга - начало какого-то нового витка в развитии теории международных отношений, перспективные контуры которого пока еще скорее угадываются, чем просматриваются.